

Е. Н. Руденко (Минск, Беларусь)

ВОСТОЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ XVI–XVII ВВ.

Во второй половине XVI – XVII веках на территории Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой в целом происходят существенные изменения в развитии литературы и письменности.

XVI век – еще век летописей. Как известно, на протяжении XIV – XVI веков появилось несколько новых летописных сводов, в которых речь идет о Великом Княжестве Литовском и которые собраны в 32-м томе Полного собрания русских летописей (Москва: Наука, 1975). Главные из них – это Хроника великого княжества Литовского и Жмойтского и Хроника Быховца. Достоверные фактические данные белорусские летописи дают за период с конца XIV по середину XVI вв.

С XVII века характер летописей меняется. Во-первых, они перестают быть анонимными и становятся авторскими. Во-вторых, появляется настоящая мемуарная литература. В Речи Посполитой историко-мемуарная литература в XVII–XVIII веках существовала и на территории современной Беларуси и Украины. На территории Беларуси это были летописи нового типа, хроники, дневники (ст.-бел. дыярывушы): “Баркулабаўскі летапіс” (начало XVII в.); “Дзённік Еўлашоўскага” (1603-1604); “Летопис, то ест Кройника великая з розных многих кройникаров диалектом русским написана” (1я половина XVII в.); “Хроніка Рачынскага”, “Магілёўская хроніка Сурты і Трубніцкіх”.

Баркулабовская летопись – последняя из появившихся на старобелорусском языке (“простой мове”), в дальнейшем летописи, хроники и диариуши, содержащие сведения о восточных территориях Речи Посполитой, создавались на польском языке. Первым из таких польскоязычных документов является Хроника Мартина Бельского – польского историографа и писателя XVI в. (ок. 1495–1575), сыгравшая значительную роль в истории западно- и восточнославянской литературы XVI и XVII вв. Обширный труд Бельского по всемирной истории несколько раз переиздавался: Bielski M. Kronika wszytkiego świata. Kraków, 1551; 2-е изд. – 1554 г.

«Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси» (польск. «Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi») – наиболее известная работа Матея Стрыйковского, созданная в 1570-е годы. Это первая печатная история Великого княжества Литовского; впервые она была опубликована на латинском языке в Королевце (ныне Калининград) в 1582 г. Вот еще некоторые хроники и летописи на польском языке: «Kronika wszytkiego

świata» Мартина Бельского (XVI в.); Могилевская хроника Сурты и Трубницких (XVII–XIX вв., на польском и русском языках); Витебская летопись Панцирного и Аверки (XVIII в.).

На территории Украины также появляются летописи нового типа и дневники. Наиболее известные из них: “Літопис С. Величкі”, 1718; “Літопис Самовидця”; “Літопис Г.Грабянки”, “Короткий літопис Малої Росії з 1506 до 1770 р.”; “Щоденник генерального хорунжого М.Д.Ханенка з 1719 по 1789 р.”; “История Русов” (XVIII в.). Многие из украинских летописей, дневников и хроник посвящены казачеству. Две наиболее ранние известные исторической науке украинские летописи, дошедшие до нас в рукописных оригиналах, – это “Львівський літопис” и “Острозький літописець (с Кройніки Бельського речі потрібні вибрані)” (<http://litopys.org.ua/index.html> – по изданию: Бевзо О.А. Львівський літопис і Острозький літописець. Київ, 1971). Они невелики по объему, но богаты фактическим материалом как источник для освещения внутренней жизни, культуры и быта украинского народа, его хозяйственной деятельности, классовой борьбы в XVI – первой половине XVII веков, а также политического положения Украины накануне войны 1648–1657 гг. под руководством Богдана Хмельницкого. Например, в них есть сведения о событиях, предшествующих Хмельнитчине.

“Острожский летописец”: “Рок 1592. Козаки Переяславль спалили. Александр, воевода волинський, син князя Василя Острозького, Триполь облегли. ... 1597 г. Наливайко в Слущку і в Могилеві великії шкоди починил і сам громлен, а потом пойман і на паль збит...”

Под 1597 годом речь идет о событиях, имевших место во время первого большого крестьянско-казацкого восстания, начавшегося в 1591 году, к которому примкнули реестровые казаки во главе с Криштофом Косинским. Судя по характеру информации, автор летописи, кроме польскоязычной “Хроники” М. Бельского (M.BielskiKronikawszytkiegoświata.Kraków, 1551, 1554, 1564 – <https://polona.pl/item/kronika-wszystkiego-swiata,MTEyMzI1NTg/4/#info:metadata>), заканчивается которая 1598 годом, пользовался также и другими источниками.

В Львовской летописи сведения об этом эпизоде еще более скудные: “1597 г. Наливайка згублено”.

Согласно сведениям из Хроники Бельского, Северин Наливайко и другие руководители антифеодального восстания украинских крестьян и казаков 1594–1596 лет были схвачены 9 июня 1596. Наливайко, в лице которого польское правительство видело не обычного мятежника, а своего опасного политического противника, был казнен в Варшаве 11 апреля 1597 после Варшавского сейма, заседавшего с 10 февраля по 25 марта 1597.

Львовская летопись и Острожский летописец практически полностью базируются на других текстах: в основном на Хронике М.Бельского и других источниках, поэтому иногда в

них точка зрення автора виражена недостаточно виразительно, что соответствует и летописной традиции в целом. Если говорить об истории казачества и казацких восстаниях, то предлагаются или очень лаконичные сведения, как процитировано выше, или авторы представляют факты в выгодном для казачества свете. Показательно с этой точки зрения описание в Львовской летописи начала войны с казаками: “Причини війни з козаками. 1630. Гетьман Конецьпольський ходил за Дніпр козаков зносити. Людей много стратил і сам ледве ся виніс, але предця гармати їм зоставил і познал, що козаки! І як ся му поводило, есть виписано таким способом: “Жолніре до Києва приїхали с тим інтендом, аби впрод козаков, а затим во вшисткой Україні русь вистинати аж до Москви. А отколь би то відомо? Сами под час визичали под добрую мисль. Другії зась русь жолніре отцу митрополиту з милості о том повідали. То єдині в Києві, а другії всюди поза Дніпром, где нігди ніхто не пам'ятає, аби туди стояти міли. І так збродні і кривди незносні чинили, людей без дання причини забиваючи. Пред вокресенієм отца митрополитового челядника Петра на штуки розсікли і трьох подданих” (<http://litopys.org.ua/ostrog/ostr01.htm>).

Более поздние украинские летописи, хроники и дневники, как, например, названные выше, посвященные казачеству и Хмельнитчине, являются еще более яркими выразителями проказацких настроений.

В отличие от них, тексты, описывающие тот же период, но созданные на территории так называемой Литвы, т. е. современной Беларуси, передают иное отношение к казачеству. Например, в упомянутой выше Баркулабовской летописи есть несколько эпизодов, посвященных казакам.

Баркулабовская летопись занимает конец рукописного сборника, хранящегося в Отделе рукописей Государственного исторического музея в Москве. Она неоднократно была опубликована, в частности в Полном собрании русских летописей (Т. 32. М., 1975. С. 174–192). Летопись в основном охватывает события с 1563 до 1608 года. Автором ее считается священник белорусского селения Борколабово Федор Филипович либо служивший в его церкви дьякон или псаломщик. Составитель произведения – сторонник православия и, казалось бы, должен симпатизировать казачеству как защитнику православия. Однако отношение автора к казачеству крайне негативное, например: “Лета божого нароженя 1595, месяца ноября 30 дня в понедело[к] за тыдень пред святым Николою, – Севериян Наливайко; при нем было козаков 2000, дел 14, гаковниц.... Место славное Могилев, место побожное, дома, крамы, острог выжгли, домов всех яко 500, а крамов з великими скарбами 400. Мещан, бояр, людей учтивых так мужей, яко и жон, детей малых побили, порубали, попоганили, скарбов теж незличоних побрали с крамов и з домов” [ПСРЛ. Т. 32. С. 182 – 183].

Таким образом, те же лица, чьи негативные действия в украинских летописях описаны весьма лаконично, в Баркулабовской летописи характеризуются эмоционально-отрицательно.

Вот еще эпизод: “Того ж року 601 были у Швеции козаки запорожские люду четыре тысячи, над ним был гетманом Самуель Кошка. Там же того Самуила убито, а поховано у Киеве. Нижли там у Швеции козаки запорожские ничего доброго не вчинили ани гетманови и пану королю жадного ратунку не дали, толко з Швеции утекли, а тут на Руси Полоцку великую шкodu чинили, а место славное и великое Витебск зоевали, злата сребра множество побрали, мещан учтивых порубали, и так шкodu содомию чинили горше злых неприятелей, албо злых татар” [ПСРЛ. Т. 32. С. 187].

Автор летописи относится негативно не только к казацким атаманам, но и казачеству в целом как к анархической неуправляемой стихии: “Того ж року 603, в месте Могилеве Иван Куцка здал з себе гетманство козацкое для того, иж у войску великое своволюство: што хто хочет, то брoит. На тот же час был выездый от его крол. милости и от панов и рад, напоминал, грозил козаком, иж бы они никоторого кгвалту в месте, по селах не чинили. Перед того ж выездного от его крол. милости приносил один мещанин на руках своих девчину у шести летех змордованую, кгвалчоную, ледвей живую, чого было горко, плачливе, страшно глядети. На тое вси люди плакали, богу сотворителю молилися, абы таковых своеволников вечне выгладити рачил” [ПСРЛ. Т. 32. С. 189].

Особый и объемный аспект исследования исторических текстов Речи Посполитой XVI–XVII вв. – это личные дневники и мемуары, не затронутые в этом тексте. Все названные памятники письменности всесторонне характеризуют казачество и историческую эпоху того времени.

И. С. Скоропанова, С. Е. Трунин (Минск, Беларусь)

ИГРА СО СЛОВОМ «СЕКС» В РОМАНЕ ЗИНОВИЯ ЗИНИКА «ЯЩИК ОРГОНА»

З. Зиник в романе «Ящик оргона» (2017) осуществляет деконструкцию глобализировавшегося благодаря интернету метанарратива массовой культуры. Существенное место в ней занимает сфера секса, демонстрирующая большое разнообразие дискурсивных вариантов. Всевозможные «новации» в данной области отражает язык «записок» главного героя романа – Дворкина, от лица которого ведется повествование. Это – новые «записки сумасшедшего», так что, и касаясь сферы сексуальных отношений, нарратор преподносит как нормальное вызывающее впечатление помешательства. Дабы употребляемые обозначения различных проявлений сексуально-половой жизни содержали в себе и оценку того, о чем идет речь, З. Зиник создает «слова-бумажники» (по Ж. Делёзу),